

Динамика параметрического паттерна языка как проявление языковых изменений

Татьяна Ивановна Домброван, Одесский национальный университет
им.И.И.Мечникова, г.Одесса, Украина, dombrovan@gcn.ua

Ключевые слова: лингвосинергетика, параметры управления, эволюция языка, уровни языка

Key words: linguosynergetics, control parameters, language evolution, language levels

Цель данной статьи – взглянуть на процесс развития языка с позиций лингвосинергетики, в частности, используя понятие параметров управления сложной системой, разработанное в сфере естественных наук. *Актуальность* работы определяется необходимостью совершенствования методологии лингвистических исследований в области диахронии языка.

Общеизвестно, что язык – гибкая адаптивная мегасистема, способная реагировать и перестраиваться под влиянием изменяющихся условий внешней среды. Замечено, что не все подсистемы языка изменяются с одинаковой скоростью. История английского языка, в частности, показывает, что фонетические процессы отличаются самой высокой динамикой; лексический пласт характеризуется подвижностью в меньшей степени, грамматическая же структура наименее динамична. Становится очевидным, что *скорость изменений, происходящих в различных иерархических уровнях языковой мегасистемы, обратно пропорциональна «размеру» единицы членения*: чем «меньше» единица, тем более она подвержена изменениям, и наоборот. Под «размером» мы понимаем не только и не столько линейную протяженность той или иной единицы, сколько ее структурную организацию. Так, фонема является наименьшей единицей языковой системы и, выполняя смысловозначительную функцию, служит строительным материалом для морфем. Лексема, в большинстве случаев, организована по паттернам: «префикс + корневая морфема +/- окончание», «корневая морфема + суффикс +/- окончание» или «префикс + корневая морфема + суффикс +/- окончание». Составные лексемы отличаются усложненной структурой. Единица синтаксического уровня – предложение – характеризуется еще более сложной организацией: это обусловлено тем, что предложение служит для обозначения разнообразных, потенциально бесконечных ситуаций внешнего мира.

Используя терминологический аппарат синергетики, можно сказать, что **язык есть подвижная мегасистема, объединяющая иерархически организованные уровни, которые различаются скоростью (темпом) происходящих в них или в их отдельных подсистемах изменений**, – так сказать, «разноскоростные» темпомиры. Термин «темпомир» в научный обиход ввел академик С.П.Курдюмов. Темпомир – это «мир, определяющей характеристикой которого является единый темп развития всех входящих в него сложных структур» [Князева, Курдюмов 2011: 195]. Языковые уровни, как следствие неодинаковых с точки зрения темпа изменений составляющих их подсистем, проявляют различную чувствительность и устойчивость к внешним воздействиям, способным (или неспособным) привести систему к неустойчивому состоянию и вызвать качественные изменения отдельных компонентов, частей и/или всей системы в целом.

Целостность, функциональность и сохранность системы обеспечиваются формой ее организации. «Упорядоченная система нуждается в активном поддержании;

иначе она будет стремиться к разрушению, иными словами, вернется к беспорядку» [Даль 2009: 43]. По нашим наблюдениям, «стражами» порядка системы выступают так называемые параметры управления – некие константы системы, определяющие «координаты» и конфигурацию состояний рассматриваемой системы в данный момент или период времени и «работающие» на сохранение ее функциональности.

В синергетике под параметрами понимаются «такие величины, которые в рамках рассматриваемой задачи могут считаться постоянными» [Безручко и др., 2010: 50]. Полагают, что параметры управляют поведением подсистем, частей и компонентов системы по принципу подчинения (“slaving principle”) [Haken 2000:13].

Лингвистическая теория параметров основана на гипотезе, согласно которой «все грамматические различия между языками вызваны взаимодействием ограниченного числа дискретных факторов» [Бейкер 2008: 156]. У каждого из многочисленных человеческих языков есть свой перечень параметров, характеризующих особенности структурной организации данного языка (ср. у Дж.Эйчисон: «Language must have strong constraints, bounds which restrain it» [Aitchison 2000: 188-189]).

Марк Бейкер считает, что параметры как структурная особенность человеческих языков отражают естественные закономерности деятельности мозга, заложенные в каждом из нас от рождения [Бейкер 2008: 198 – 208]. Он называет параметры «атомами языка», играющими особую роль в «рецепте языка, допускаемом универсальной грамматикой» [там же, с.242]. Основываясь на результатах исследования огромного числа языков, М.Бейкер выделяет ряд параметров, среди которых: параметр нулевого подлежащего, параметр расположения подлежащего, параметр присоединения подлежащего, параметр базового порядка слов в предложении, параметр перемещения вопроса, параметр расположения вершины, параметр полисинтетизма, параметр притяжения глагола, параметр глагольной сериализации, параметр области возвратного местоимения, параметр антецедента возвратного местоимения и некоторые другие [Бейкер 2008: 72-183].

Теория параметрической организации языка представляется плодотворной в диахронических изысканиях. Мы считаем, что *в каждый момент своего существования языковая система характеризуется определенным параметрическим паттерном*. Данный паттерн не является застывшим образованием, наоборот, это подвижный «рисунок», своеобразный каркасный «узор», в котором параметры не просто сосуществуют, а взаимодействуют друг с другом. При этом с течением времени «узор» может видоизменяться, отражая изменения в структурной организации языка и/или движение языковой системы по фазовому пространству.

Кратко рассмотрим грамматическую организацию древнеанглийского языка с позиций параметрической теории.

В сфере синтаксиса словосочетания ведущими принципами синтаксических отношений выступали **согласование** и **управление**. Доминирование названных типов отношений объясняется особенностями морфологии древнеанглийского языка и, прежде всего, существованием развитой системы флексий, маркировавших зачастую несколько грамматических категорий одновременно.

В именном словосочетании (модель Ma + N) экспликация соответствующих грамматических категорий (числа, рода, падежа) имела место в обоих компонентах, что способствовало усилению когезии между данными компонентами даже в случае их дистантного расположения в предложении, например:

[swā swā wē forgyfað] ūrum gyltendum ‘as we forgive our debtors’ [Lord’s Prayer, Matt.6].

Иначе говоря, существительные, обладавшие признаками определенных грамматических категорий, «притягивали» к себе модификатор (имя прилагательное, причастие первое, порядковое числительное, указательное местоимение, притяжательное местоимение, отрицательное местоимение и др.) с такими же признаками, и на основе подобного дублирования возникало сильное грамматическое сцепление между данными двумя словами: $Ma \leftrightarrow N$ (или $N \leftrightarrow Ma$ в зависимости от позиции модификатора относительно определяемого слова).

Согласование наблюдалось не только в сочетании имени существительного с атрибутом, но и в предикативном сочетании: глагол сказуемого (Vp) согласовывался с подлежащим (Ns) в числе и лице: $Ns \leftrightarrow Vp$. Синтаксическое отношение согласования допускало эллипс подлежащего в предложении, например, в императиве:

And forgyf ūs ūre gyltas, ('and forgive us our debts')[Lord's Prayer, Matt.6].

Глагольное словосочетание строилось на основе управления: именно глагол «диктовал» условия синтаксической связи и требовал от присоединяемого слова (выступавшего в функции дополнения или, реже, обстоятельства) соответствующей формы:

And forgyf ūs (дат. падеж мн.ч.) *ūre gyltas* (винит. падеж мн.ч.), *swā swā wē forgyfað ūrum gyltendum* (дат. падеж мн.ч.) [Lord's Prayer, Matt.6].

Стоит ли говорить, что морфологическая форма второго компонента определялась также и семантикой самого глагола, поскольку, как известно, различные семантические классы глаголов управляют разными падежами существительных. Таким образом, в глагольном словосочетании наблюдалась преимущественно односторонняя (определяющая форму зависимого компонента) связь: $V \rightarrow N$.

Управление было присуще не только глагольным, но и предложным словосочетаниям, например:

Gewurþe ðīn willa on eorðan (дат. падеж ед.ч.) *swā swā on heofonum* (дат. падеж мн.ч.)

('Thy will be done on earth as it is in heaven') [Lord's Prayer, Matt.6].

Причем, как неоднократно отмечали исследователи, предлог нередко сочетался только с одним определенным падежом. Это свидетельствовало о том, что уже в древнеанглийском языке предложное управление было составной частью синтаксиса [Ильиш 1958: 135].

Согласование и управление как ведущие типы синтаксических отношений в древнеанглийском языке в целом определяли порядок слов в предложении. Принято считать, что порядок слов в древнеанглийском предложении был свободным, поскольку связь между словами в рамках предложения выражалась морфологическими формами членов предложения. Однако «свободный» не означает «произвольный»: он всего лишь допускает известные перестановки (в т.ч. инверсию) компонентов и/или дистантное их расположение в предложении. Например:

Pa andswarode sē cyning and þus cwæþ, 'Fæger word þis sindon <...>' [Bede, *Ecclesiastical History*]

– Букв.: *Then answered the king and thus said*, 'Fair words these are <...>'.
Порядок следования компонентов в данном предложении: Md (Adv) – $Vp1$ – Ma

– Ns – and – $Vp2$ || Cs (Adj) – Cs (N) – S – $Vlink$;

Еще пример:

On Þyssum ēalande cōm ūp sē Godes Þēow Augustinus and his gefēran [ib.] – Букв.: *On this island came up the God('s) servant Augustine and his companions*.
Порядок следования компонентов: $Prep$ – Ma (DemP) – N – Vp – Adv – Ma – N (gen) – Ns (x_1+x_2).

Вышеприведенные примеры наглядно иллюстрируют отсутствие в древнеанглийском синтетическом языке строго определенного позиционного расположения членов предложения, характерного для аналитического строя современного английского языка. «Отделение определения от определяемого, глагола – от его дополнения, отрыв предикативного члена от связочного глагола и помещение между связочным глаголом и предикативным членом дополнений и обстоятельственных слов – вот что можно считать нормальным для древнеанглийского языка» [Ярцева 1961: 21].

Таким образом, в древнеанглийском языке развитая система флексий, маркировавших различные грамматические категории, фундировала синтаксические отношения согласования и управления в рамках словосочетания и предложения в целом. На наш взгляд, это яркий пример когерентности морфологии и синтаксиса, согласованного «поведения» двух огромных подсистем единой языковой мегасистемы. Попутно отметим, что в синергетике когерентное поведение элементов рассматривается в качестве основы для возникновения сложных упорядоченных пространственно-временных структур из хаоса [см.: Князева, Курдюмов 2011: 238]. Факты развития языковой системы подтверждают правильность данного тезиса.

С течением времени, однако, «расклад» в системе синтаксических связей изменился. Как известно, уже в среднеанглийский период некогда сложная система флексий стала интенсивно упрощаться. Кардинальные изменения в морфологии послужили основной причиной реорганизации, перераспределения иерархии ролей в синтаксисе: унификация и/или потеря большинства морфологических маркеров привела к ослаблению преобладавших в древнеанглийском языке типов синтаксической связи (т.е. согласования и управления), и теперь примыкание (имевшее весьма ограниченную область применения в древнеанглийском языке) стало играть главную роль.

Примыкание в древнеанглийском языке было синтаксическим типом связи между наречием как неизменяемой частью речи и, например, глаголом или другим наречием и не сводилось к обязательному позиционному контакту между двумя словами. В среднеанглийском языке роль примыкания заметно возросла. По сравнению с древнеанглийским языком, где сфера применения примыкания ограничивалась сочетаниями «глагол – наречие», «наречие - наречие», в средний период, в особенности, в XIV в. и в последующие века, примыкание захватывает сферу действия согласования (в атрибутивных конструкциях и, частично, предикативных сочетаниях) и сферу действия управления («глагол-дополнение», «предлог-существительное») за исключением тех случаев, когда управляемое слово было выражено личным местоимением (личные местоимения сохранили формы косвенного падежа).

Таким образом, изменения в морфологии повлекли за собой изменения в синтаксисе словосочетания (точнее, в ранжировании типов синтаксической связи) и, в конечном итоге, послужили причиной изменений в порядке следования слов в предложении. Теперь позиционная близость компонентов предложения указывала на семантическую связанность этих компонентов, что в дальнейшем способствовало формированию позиционной модели предложения и закреплению за каждым слотом (позицией) характерного структурного компонента.

Рассматривая вышеизложенное через призму параметрической теории языковой организации, можно заключить, что «морфологически поддерживаемые» параметр согласования и параметр управления как типы синтаксических отношений в словосочетании обусловили относительно свободный порядок слов в предложении. С разрушением системы флексий (уровень морфологии) параметр согласования и частично параметр управления уступают место параметру **примыкания**, что на более

высоком уровне языковой иерархии – уровне синтаксиса – приводит к установлению практически фиксированного порядка слов в предложении.

Теперь обратимся к другому параметру – **параметру нулевого подлежащего**, суть которого заключается в том, что языки мира различаются по обязательному наличию (или, соответственно, допускаемому отсутствию) подлежащего в предложении. Параметр нулевого подлежащего, в частности, гласит: «В некоторых языках каждое предложение с глаголом в личной форме обязательно должно иметь выраженное подлежащее в виде именной группы. В других языках предложения с глаголом в личной форме могут и не иметь явно выраженного подлежащего в виде именной группы» [Бейкер 2008: 62]. Условимся, что в данной статье применительно к английскому языку будем использовать термин «параметр НЕ-нулевого подлежащего», чтобы четко указать на облигаторность поверхностной экспликации подлежащего в рассматриваемом языке.

Как известно, в современном английском языке в предложении с личным глаголом наличие подлежащего обязательно. Настолько обязательно, что наряду со смысловыми («настоящими», «реальными») подлежащими в английском языке выделяются и так называемые формальные, или структурные, подлежащие, обозначаемые эксплетивами *it* и *there*. Формальное подлежащее *it* используется в безличных предложениях, описывающих состояние окружающей среды (время суток, погодные условия и т.п.), например, *It was late. It was late morning. It is Sunday. It is raining.* Также *It* может предварять смысловое подлежащее в предложениях с неличными формами глагола (инфинитивной конструкцией или герундием), например, *It is useful to read books in the original; It is necessary for him to do that; It is no use crying over spilt milk*, где инфинитивное/герундиальное словосочетание и комплекс являются слишком «тяжелыми» подлежащими, чтобы занять начальную позицию в предложении, а потому «передвигаются» в конец предложения, при этом освободившаяся позиция подлежащего не пустует, а замещается формальным элементом. В предложениях с начальным *there* обычно сообщается о существовании какой-либо субстанции в темпорально-локативном континууме, а потому такие предложения часто называют экзистенциальными: *There is a village in the valley. There is no place like home.*

Английский язык относится к номинативным языкам, т.е. к таким языкам, в которых подлежащее оформляется именительным падежом существительного или местоимения. Диахронические исследования показывают, однако, что в древнеанглийском языке выделялась группа глаголов, которые могли не иметь при себе подлежащего в именительном падеже (безличные глаголы). Логический субъект выражался существительным или личным местоимением в косвенном падеже и выступал в предложении в функции дополнения, например:

Me þin mod-sefa licað. «Мне твоя отвага нравится»

Him wære betere þæt he næfre geboren nære. «Для него было бы лучше, если бы он никогда не родился» (примеры заимствованы из [Ярцева 1961: 53])

Hū lomp ēow in laðe? «Как вам пришлось в пути?» (пример из [Ильиш 1958: 130].

Важно отметить, что так называемые безличные глаголы еще в древнеанглийском языке могли функционировать и как личные, то есть использовались в предложениях с выраженным в номинативе подлежащим. В среднеанглийский период в связи с разрушением системы флексий, унификацией ряда падежных окончаний и, как следствие, установлением более фиксированного порядка слов, всякое слово в препозиции к глаголу сказуемого стало интерпретироваться как подлежащее. Действовавший параметр Не-нулевого подлежащего «скорректировал»

безличные (вернее сказать, бесподлежащные) предложения, заполнив позицию подлежащего структурным элементом.

Рассматривая вопрос о развитии безличных конструкций в среднеанглийском языке, В.Н.Ярцева отмечала, что «безличные обороты ни по форме, ни по содержанию не включаются в синтаксическую систему языка» [Ярцева 1961: 53]. Подобная невозможность включенности безличных (односоставных) оборотов в синтаксическую систему языка как раз и объясняется давлением параметра Не-нулевого подлежащего, под действием которого поверхностная структура безличных по содержанию предложений трансформировалась в двусоставную и перестала отличаться от поверхностной структуры личных предложений. Так, например, формула *S – Vp* может соответствовать структуре различных в семантическом содержании предложений: *It rains. Time flies*. Аналогичным образом, структура с составным именным сказуемым *S – V link + Cs* может иметь разные грамматические подлежащие (формальное или смысловое): *It is Sunday. Silence is golden*.

В среднеанглийский и ранненовоанглийский периоды интенсивно развивается модель с начальным *there*, «перетянувшим» к себе глагол сказуемого (модель *There – Vp – S*). Общеизвестно, что на синтаксическом уровне наречия входят в состав структуры модификации и модифицируют, главным образом, глагол (реже – другие наречия и прилагательные). Глагол содержит в себе свернутую структуру предикации, наречие *there* несет указание на пространственные координаты ситуации, передаваемой структурой предикации. Выдвижение глагола в препозицию к подлежащему в экзистенциальных предложениях как раз и объясняется тесной семантической связью между глаголом и десемантизировавшимся впоследствии наречием *there*.

В древнеанглийском языке с его относительно свободным порядком слов случаи использования в инициальной позиции предложения обстоятельств места (и времени) были нормой. При этом глагол сказуемого перемещался в начало предложения и занимал срединное место между обстоятельством (слева) и подлежащим (справа от глагола). Предложение имело структуру *Adv – Vp – S*. Например:

<...> *and Þær bið swýðe manig burh*, <...>

(‘And there are very many towns’);

and Þær bið swýðe mycel hunig and fisc[n]að; <...>

(‘And there is very much honey and fish’);

Þær bið swýðe mycel gewinn betwēōnan him

(‘there is much struggling between them’);

And ne bið Þær nænig ealo gebrowen mid Estum, ac Þær bið medo genoh. And Þær is mid Estum ðēāw, <...>

(and there is no ale brewed by Estonians, as there is enough mead. And there is among Estonians a custom, <...>) [“Ohthere’s and Wulfstan’s Story”, цит. по: Иванова 1999:317-318]

С закреплением в английском предложении порядка слов *SVO* начальный элемент *there* стал функционировать в качестве формального (структурного) подлежащего. Тот факт, что *there* расширил свои первоначальные функции наречного обстоятельства, отразился на образовании разделительного вопроса, во второй части которого *there* всегда появляется в слоте подлежащего (*There is no time like present, is there? There is safety in numbers, isn’t there?*).

Таким образом, действие параметра Не-нулевого подлежащего и тесно взаимосвязанного с ним параметра порядка слов обусловили описанные изменения в структурной организации предложения на протяжении средне- и ранненовоанглийского периодов.

Так же с течением времени несколько видоизменился **параметр расположения вершины**, тесно взаимосвязанный с параметрами синтаксических отношений (управления, согласования, примыкания) и параметром порядка слов в предложении.

Параметр расположения вершины определяется в [Бейкер 2008: 72] таким образом: «Вершины ставятся после групп при создании более крупных групп (в японском, лакота, баскском, амхарском и др. языках) ИЛИ вершины ставятся перед группами при создании более крупных групп (в английском, эдо, тайском, сапотекском и др. языках)». Для удобства обычно используют термины «вершина справа» и «вершина слева» соответственно.

В соответствии с параметром расположения вершины современный английский относится к языкам с вершиной слева, поскольку здесь вспомогательный глагол предшествует смысловому; смысловой глагол стоит перед прямым дополнением, перед предложным дополнением, перед придаточным предложением; аналогичным образом, имя существительное предшествует связанной с ним предложной группой, а предлог стоит перед именным словосочетанием.

В древнеанглийском языке благодаря развитой системе флексий рассматриваемый параметр допускал известные вариации. Так, например, возможно было дистанцировать главные слова от зависимых, например:

'Ne mæg ic hēr leng wesan' [Beowulf, 2801] ('I can hold out no longer'),

а также менять последовательность между ними, как например, в

'Pā hē Pā sē cyning Pās word gehierde, <...>' [Bede's *Ecclesiastical History*] (букв.: "When then he the king those words heard, <...>") с порядком слов SOV.

Все же следует отметить значительную стабильность параметра расположения вершины уже в древнеанглийском языке. Так, наряду с инвертированным порядком OV в древнеанглийском широко распространена модель VO (глагол + прямое дополнение), закрепившаяся впоследствии в языке (по данным в [Мороховский 1980: 51], число предложений с дополнением в постпозиции к глаголу резко увеличивается в период с X в. по конец XI в. и составляет 63,4%). Пример:

'<...> and sē cyning and Pā rīcostan men drincað myran meolc and Pā unspedigan and Pā Pēōwan drincað mede' ["Othere's and Wulfstan's Story", цит. по: Иванова 1999: 318] ('and the king and those richest men drink mare's milk and those poor and those servants drink mead').

Следующий пример иллюстрирует последовательность V-PrepP (глагол + предложная группа):

<...> Pæt hē wære on Truso on syfan dagum and nihtum' [Othere's..., 317] ('that he was on Truso for seven days and nights').

Так же как и в современном языке, в древнеанглийском предлог предшествует связанной с ним именной группе, например:

<...> flota wæs on ýðum, bāt under beorge. [Beowulf, 210-11] ('the boat was on water, in close under the cliffs' [Beowulf, 210-11]).

Параметр расположения вершины слева также предусматривает, что союз предшествует придаточному предложению, что было нормой еще в древнеанглийском языке, например:

He cwæð Pæt nān man ne būde benorðan him [Othere's and Wulfstan's Story, 317] ('he says that no man lived to the north of him').

Вышеизложенный краткий обзор динамики в иерархии параметров английского языка в различные исторические эпохи выявляет гибкость языковой мегасистемы, свидетельствует о поиске системой наиболее оптимальных состояний, ее направленности к упорядочению своей структурной организации, ее движения от хаоса

к порядку. Но тут возникает вопрос о том, что же считать порядком, а что – хаосом в языке.

Еще в XVIII в. французский философ П.А.Гольбах указывал на относительность порядка и хаоса: «В природе не существует порядка и беспорядка; мы находим порядок во всем том, что сообразно с нашим существом, и беспорядок во всем том, что противоположно ему» [цит. по Уемов 2000:82]. А в языке?

По мнению Э.Даля, «даже если мы не можем задать универсальную меру того, насколько язык упорядочен или беспорядочен, все же *при исследовании языковых изменений может быть полезно учитывать, увеличивают ли рассматриваемые диахронические процессы порядок в системе или уменьшают его*» (курсив наш – Т.Д.) [Даль 2009: 42].

Сопоставляя грамматическую организацию древнеанглийского языка с грамматической организацией современного английского языка, можно заключить, что в древний период система была упорядочена «по-своему», поскольку подчинялась действию строго определенных параметров. Это был, так сказать, порядок синтетического плана. В результате действия многих факторов, в том числе и экстралингвальных, грамматическая система английского языка пришла в хаотическое, нестабильное состояние, что проявилось, прежде всего, в нарушении и изменении стандартных морфологических форм и синтагматических связей. Произошла реорганизация отдельных параметров, которая подтолкнула систему к поиску новых, стабильных состояний (называемых в синергетике аттракторами) и, в конечном итоге, вывела систему на качественно иной уровень организации.

Не следует, однако, считать, что переход в типологически иное состояние сопровождалось изменениями *всех* параметров системы. Типологический переход не произошел в один день или в один год. Несомненно, что в описываемый период (XII–XIV вв.) грамматическая система английского языка изменялась интенсивно, но при этом язык оставался самим собою, выполняя все свои функции в обществе, включая главную – обеспечение коммуникации между членами общества, в том числе и между представителями *разных* поколений. Структурная устойчивость (с позволения сказать, идентичность) языка обеспечивалась сохранностью гораздо большего числа параметров управления языковой мегасистемы. Назовем лишь некоторые из них.

Так, например, не подвергся изменениям **параметр построения вопроса**, именуемый также как «параметр перемещения вопроса». Суть этого параметра в следующем: «вопросительные группы должны ставиться в начало предложения (английский язык) ИЛИ вопросительные группы появляются в тех же позициях, что и остальные именные словосочетания (японский язык)» [Бейкер 2008: 181]. Заметим, что речь не идет об использовании тех или иных вспомогательных глаголов для построения вопроса: фокус внимания направлен исключительно на положение вопросительных слов в предложении.

В древнеанглийском языке специальные вопросы строились по тому же принципу, что и сегодня: вопросительное слово – в начальном слоте (ведь недаром специальные вопросы называют также WH-questions. Правда, для древнеанглийского языка такие вопросы точнее было бы называть HW-questions, поскольку вопросительные слова начинались именно с такого буквосочетания):

*Hwanon ferigeað gē fætte scyldas,
græge syrcan ond grīmhelmas,
heresceafta hēap?* [Beowulf, 333-335]
(‘*Where do you come from, carrying these
Decorated shields and shirts of mail,
These cheek-hinged helmets and javelins?*’ [Beowulf, A Verse Translation, 333-335])

Следующий параметр касается особенностей передачи возвратного значения. Это так называемый **параметр области возвратного местоимения**, который гласит: «Возвратное местоимение должно относиться к какой-либо именной группе в данном элементарном предложении (английский) ИЛИ возвратное местоимение может относиться к какой-либо именной группе вне данного элементарного предложения (китайский)» [Бейкер 2008: 183].

Известно, что в древнеанглийском языке значение возвратности передавалось как личными местоимениями в косвенных падежах, так и при помощи лексемы *self*, *sylf*, которая согласовывалась со своим антецедентом в числе и падеже. Например:

Hē hine restan wolde («он хотел отдохнуть»)

Pū wundast Pē sylfne («ты ранишь самого себя») [примеры из Иванова и др., 1999: 122].

Хотя возвратные местоимения оформились в самостоятельный разряд лишь в среднеанглийский период, они всегда следовали за своим антецедентом и располагались по отношению к нему контактно в рамках данного предложения. Другими словами, параметр области возвратного местоимения проявлял свое действие уже в древнеанглийском языке, несмотря на то, что морфологические средства выражения категории возвратности только формировались.

Теория параметров представляется нам перспективной для дальнейших изысканий в области диахронии языка. Также интересной видится возможность смоделировать архитектуру состояний системы с учетом различных типов динамики (устойчивой или хаотичной), отражающей состояние языка в разные периоды его развития: «мирного» существования, или состояния «борьбы за выживание» в условиях иноземной интервенции или глобализации, а также очертить потенциальные границы вариаций в рамках параметров, «пороговость» изменений, за пределами которых происходит переключение на другой тип организации системы, возникает новая организованная сущность. Историческая динамика параметрического рисунка языковых уровней и вопросы взаимодействия параметров системы, возможно, позволят исследователям приблизиться к сути изменений, уже имевших место и происходящих в системе сейчас, по-новому взглянуть на природу качественных изменений системы, вызванных нестабильностью тех или иных параметров.

Литература

- БЕЙКЕР М. Атомы языка: Грамматика в темном поле сознания. Пер.с англ. / Марк К. Бейкер / Под ред. О.В.Митрениной, О.А.Митрофановой. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
- БЕЗРУЧКО Б.П., КОРОНОВСКИЙ А.А., ТРУБЕЦКОВ Д.И., ХРАМОВ А.Е. Путь в синергетику: Экскурс в десяти лекциях /Предисл. С.Мирова, Г.Г.Малинецкого. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
- ДАЛЬ Э. Возникновение и сохранение языковой сложности. Пер. с англ./ Эстен Даль. – М.: Изд-во ЛКИ, 2009.
- ИВАНОВА И.П., ЧАХОЯН Л.П. История английского языка /И.П.Иванова, Л.П. Чахоян. – М.: Высшая школа, 1976.
- ИЛЬИШ Б.А. История английского языка /Б.А.Ильиш. – М.: ИЛИЯ, 1958.
- КНЯЗЕВА Е.Н., КУРДЮМОВ С.П. Основания синергетики: Человек, конструирующий себя и свое будущее / Е.Н.Князева, С.П.Курдюмов. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.
- МОРОХОВСКИЙ А.Н. Слово и предложение в истории английского языка / А.Н.Мороховский. – К.: Вища школа. Головное изд-во, 1980.

УЕМОВ А.И. Системные аспекты философского знания / Авенир Иванович Уемов. – Одесса: Студия «Негоциант», 2000.

ЯРЦЕВА В.Н. Исторический синтаксис английского языка / Виктория Николаевна Ярцева. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961.

AITCHISON, Jean. The Seeds of Speech. Language Origin and Evolution. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

NAKEN, H. Information and Self-organization: A Macroscopic Approach to Complex Systems.– 2nd enlarged ed. Berlin: Springer-Verlag, 2000.

BEOWULF: A Verse Translation (by Seamus Heaney) / Ed. by Daniel Donoghue. – N/Y.: W.W.Norton & Co.Inc., 2002.

Abstract

The investigation lies within a new – linguosynergetic – approach to the studies of the history of language, and focuses on employing the notion of control parameters to language development. The article shows that hierarchically organized levels of language megasystem are controlled by various parameters and differ in the degree of dynamism of changes within these levels.